БЛЭР ВИЛКС

Последняя роль в Уинтерхолле

ДЕТЕКТИВ

Блэр Вилкс

Последняя роль в Уинтерхолле

«Автор»
2026

Вилкс Б.

Последняя роль в Уинтерхолле / Б. Вилкс — «Автор», 2026

Англия, 1960 год. В старинном Уинтерхолле празднуют свадьбу молодого хозяина поместья Джулиана Эшкомба и красавицы актрисы Лидии Вейн. К вечеру жениха находят мёртвым в его кабинете.Среди гостей - бывший инспектор Эдмунд Фенн, давний друг семьи. Под подозрением оказываются вдова и двоюродная сестра погибшего: обе заинтересованы в наследстве, но у каждой есть надёжное алиби. Ещё один гость боится огласки тайны, которую знал Джулиан.Разбираясь в показаниях, старых письмах и семейных обидах, Фенн возвращается к событиям свадебного дня. Он сам был там, слышал тосты и видел счастливые улыбки. Теперь ему предстоит понять, что именно он упустил - и почему человек, окружённый заботой, оказался беззащитен.

© Вилкс Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Дом ожидает невесту 6
Место за столом 12
Сахарные фиалки 19
После последнего тоста 25
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Последняя роль в Уинтерхолле

Англия, 1960

Дом ожидает невесту

В пятницу, накануне свадьбы, миссис Пайк обнаружила в гостевой спальне треснувший кувшин и мёртвую осу. Роза принесла ей третью неприятность: письмо, которое следовало отправить в среду. Кувшин экономка повернула трещиной к стене, осу выбросила в окно, а письмо отнесла вниз. Из трёх неприятностей только последняя ещё могла повредить репутации Уинтерхолла.

На лестнице пахло воском и цветами. Две девушки из деревни, нанятые на выходные, тащили к перилам корзину белых роз, оставляя за собой мокрые листья. Из столовой доносился звон посуды. Дейкр считал бокалы — медленно, с выражением человека, которого отвлекают от более подходящего занятия, хотя миссис Пайк за двадцать лет службы так и не выяснила, какое занятие он считает подходящим.

Элеонора Эшкомб стояла возле раскрытого бюро в холле. На её сером платье была нитка, к волосам пристал маленький зелёный листок. Она держала телефонную трубку и карандаш.

— Нет, мистер Холт, двенадцать, — говорила она. — Ещё вчера было двенадцать. Если вы привезёте восемь, остальным придётся сидеть на коленях у соседей.

Последовало долгое объяснение. Элеонора выслушала его, глядя на календарь, открытый на июне.

— Тогда привезите четыре из приходского зала. Да, я знаю, что они другие. Сидеть на них всё-таки можно.

Она положила трубку.

— Что случилось, Пайк?

Экономка протянула конверт.

— Это нашла Роза. В жёлтой комнате, под промокательной бумагой.

Элеонора взглянула на адрес и чуть сдвинула брови.

— Кондитеру. Я сама отнесу на кухню, пусть Томас заедет к нему. Там только уточнение насчёт цветов.

— Томас поехал на станцию.

— Конечно. Я забыла.

Это было сказано с такой усталостью, что миссис Пайк не стала напоминать: Томас ездил на станцию с самого утра, и всякий раз по распоряжению мисс Элеоноры.

— Вам бы выпить чаю, — сказала она.

— Когда приедет мистер Фенн.

— Он может задержаться.

— Тогда он будет особенно кстати.

Элеонора улыбнулась. Она улыбалась редко, но приятно; при этом становилось видно, что ей едва за тридцать. Без улыбки её обычно принимали за женщину постарше. Миссис Пайк считала это несправедливым и отчасти объясняла серыми платьями, которые мисс Элеонора носила даже летом.

За открытой входной дверью белел гравий. По другую сторону подъездной дорожки тянулся газон, а дальше, под липами, уже поставили длинные столы. Завтрашний приём зависел от погоды, от своевременного появления четырёх стульев и от того, сумеет ли повариха примириться с новой плитой. Погоду миссис Пайк считала наиболее надёжной из этих трёх вещей.

Уинтерхолл был построен в ту пору, когда английскому землевладельцу представлялось естественным иметь больше комнат, чем он мог сосчитать без посторонней помощи. Следующие поколения Эшкомбов пристраивали к дому то, чего им недоставало: картинную галерею,

зимний сад, ванную комнату над библиотекой. Последнее добавление оказалось самым спорным. В дождливые зимы библиотека по-прежнему нуждалась в тазах.

В последние годы две трети восточного крыла не отапливали. Там хранились сломанная мебель, рамы без картин и вещи, которые никто не решался выбросить, поскольку ими пользовался покойный мистер Ричард. Миссис Пайк закрывала двери этого крыла без сожаления. Элеонора каждый четверг лично проверяла окна.

У ворот показался чёрный «Хамбер».

— Вот и чай, — сказала экономка.

Элеонора провела ладонью по волосам, сняла листок и посмотрела на него так, словно хотела вспомнить, с какого именно растения он попал к ней на голову.

Эдмунд Фенн вышел из машины раньше, чем Томас успел обойти её и открыть дверцу. Это был невысокий мужчина в светлом костюме, слишком свободном в плечах. Он держал шляпу, небольшой чемодан и свёрток, перевязанный аптечной бечёвкой.

— Не нужно, — сказал он Томасу, потянувшемуся за чемоданом. — Чемодан лёгкий. До лестницы я его как-нибудь донесу.

— Мистер Фенн!

— Элеонора. Как хорошо, что вы меня узнали.

— Вы ничуть не изменились.

— В таком случае я ужасно выглядел пять лет назад.

Она рассмеялась и протянула руку. Фенн заметил на её среднем пальце узкую красную полоску, вероятно от ножниц, и след чернил возле ногтя. На запястье были маленькие золотые часы; больше украшений он не увидел.

— Джулиан сейчас спустится. Он с мистером Беллами. Полагаю, вы помните нашего поверенного?

— Я помню, что он выиграл у меня шесть пенсов. Такие люди не забываются.

— За ними вы и приехали?

— Главным образом на свадьбу. Но, если представится случай, напомню и о шести пенсах.

Дейкр взял чемодан, а миссис Пайк — свёрток.

— Это подарок, — предупредил Фенн. — Пожалуйста, не ставьте его в воду, даже если он покажется вам увядшим.

— Книга, сэр?

— Две. Одна про садоводство, другая — совсем хорошая.

Элеонора провела его в малую гостиную, выходившую в розарий. Здесь почти ничего не изменилось: выцветший персидский ковёр, узкие кресла с прямыми спинками, камин, в котором и в июне лежали приготовленные поленья. Только на месте письменного стола Кэролайн стоял низкий книжный шкаф. Фенн задержал на нём взгляд.

— Стол наверху, — сказала Элеонора. — Джулиан не захотел его продавать.

— Я об этом и не думал.

— Да. Простите.

Она села к чайному столику и начала переставлять чашки. Фенн устроился у окна. На клумбе работал человек в рубашке с закатанными рукавами. Далеко за его спиной, над старой кирпичной стеной, поднималась крыша оранжереи, местами залатанная листами железа.

— Вы давно не были в Сассексе? — спросила Элеонора.

— Достаточно давно, чтобы по дороге не узнать три гостиницы и узнать одну канаву. Машина попала в неё тем же колесом, что и в прошлый раз.

— Томас всегда там сворачивает. Он считает объезд потерей времени.

— Он объяснил это очень убедительно. Как вы живёте, Элеонора?

Она поправила ложечку на блюдце.

— Как видите. Готовлю свадьбу.

— Я спросил не о пятнице.

Из холла донёсся молодой мужской голос:

— Фенн! Неужели вы действительно добрались?

Джулиан Эшкомб вошёл быстрым шагом и пожал гостю обе руки. Он был высок, светловолос и ещё сохранял ту небрежную стройность, которая позволяет человеку не замечать слишком свободный воротник и мятый пиджак. На подбородке красовался свежий порез.

— Я думал, вас задержат в Лондоне.

— Кто?

— Какое-нибудь убийство.

— Я в отставке, Джулиан. Лондон вынужден справляться собственными силами.

— Но ведь к вам всё равно обращаются?

— По преимуществу с просьбами подписать петицию.

Джулиан засмеялся, сел на подлокотник кресла Элеоноры и тут же, встретив её взгляд, пересел на стул.

— Нора говорит, я должен вести себя как хозяин дома.

— Я говорю, что у этого кресла треснула ножка, — уточнила она.

— Видите, как трудно заслужить её одобрение. Вам положить сахар?

— Один кусок.

— Я ужасно рад, что вы здесь.

Он сказал это уже без шутки. Фенн посмотрел на него внимательнее. В последний приезд он видел почти мальчика, который слишком старательно говорил об отцовских похоронах и всё время терял зажигалку. Потом умерла Кэролайн, и Джулиан прислал короткое, деловитое письмо с ошибкой в дате. Теперь перед Фенном сидел человек, которому хотелось немедленно поделиться чем-то хорошим, но который ещё не привык к такому праву.

— Я тоже рад, — ответил Фенн.

— Вы её ещё не видели?

— Пока нет.

— Лидия переодевается. Здесь с ней её подруга — костюмерша. То есть она гораздо больше, чем костюмерша, но сама предпочитает так называться. Сейчас они воюют с каким-то швом. Нора, ей можно передать, что Фенн приехал?

— Она выйдет к чаю, Джулиан.

— Конечно. Я только хотел…

Он замолчал, улыбнулся и взял с тарелки сэндвич.

Фенн спросил о саде. Это оказалось удачным выбором. Джулиан начал рассказывать, как в апреле велел срубить старый вяз и как выяснилось, что на дереве живут птицы, принадлежавшие, по мнению Томаса, лично покойному мистеру Ричарду.

— Вяз так и стоит, — закончила Элеонора.

— Зато Томас обращается со мной заметно лучше.

— Ещё бы. Ты прибавил ему жалованье.

— Он заслужил прибавку.

— Я не спорю.

В её голосе не было раздражения, но Фенн услышал привычную осторожность. Так разговаривают о деньгах люди, один из которых распоряжается ими, а другой должен помнить точную сумму.

Джулиан повернулся к гостю.

— Вы останетесь после воскресенья? На несколько дней? Нора будет рада компании.

— Сначала надо узнать, рада ли Нора, — сказал Фенн.

— Разумеется, — ответила Элеонора.

Она произнесла это с безупречной вежливостью. Фенн не стал объяснять, что именно поэтому и задал вопрос.

В дверях появилась женщина в кремовом платье.

Позднее Фенн не раз вспоминал эту минуту и сердился на себя за то, что первым заметил её красоту. Ему следовало бы давно привыкнуть к людям, умеющим хорошо появляться в дверях. Но Лидия Вейн вошла без паузы, без рассчитанного поворота головы, и именно это произвело впечатление.

У неё были тёмные волосы, собранные низко на затылке, светлые глаза и несколько усталый рот. Красивое лицо казалось открытым, пока она улыбалась. Когда улыбка исчезала, трудно было решить, о чём она думает.

Джулиан встал так поспешно, что задел коленом столик.

— Лидия, это Фенн.

— Я догадалась. Вы описали мне его чемодан.

— Чемодан?

— И ещё сказали, что ему можно доверять.

Она протянула руку. Её голос был низким, ясным и спокойным; Фенну приходилось слышать такие голоса по радио, но в комнате они звучали иначе, ближе.

— С чемоданом вы не ошиблись, — сказал он. — За остальное ответственность несёт Джулиан.

— Он берёт на себя много ответственности в последнее время.

Лидия посмотрела на жениха. Тот ответил ей таким взглядом, что Фенн опустил глаза к чашке.

Элеонора налила чай.

— Без сахара, — сказала она прежде, чем Лидия успела что-либо попросить. — Кажется, так?

— Да, спасибо.

— А я всё время забываю, — признался Джулиан. — Вчера положил два куска.

— Вчера ты налил чай в блюдце.

— Я волновался.

— Из-за блюдца?

Они засмеялись. Элеонора тоже улыбнулась, подавая чашку, и разговор сделался лёгким. Лидия рассказала о поездке из Лондона: в их вагоне ехала девочка с коробкой улиток, причём мать девочки не знала, что коробка уже пуста. Джулиан потребовал подробностей. Фенн спросил, были ли улитки обнаружены до Льюиса или после. Лидия ответила, что последнюю сняли с полицейского в Маршли.

— Я опасаюсь, — сказал Фенн, — что свадьба началась с нападения на представителя власти.

— Без всякого намерения, — серьёзно возразила Лидия. — Она просто искала устойчивую поверхность.

Впервые за весь день Элеонора откинулась на спинку кресла. Миссис Пайк, вошедшая с горячей водой, увидела четверых за чайным столом и подумала, что всё, пожалуй, устроится. Она не была склонна любить актрис: одна такая снимала у её сестры комнаты в Брайтоне и оставила после себя неоплаченный счёт. Но мисс Вейн всякий раз благодарила Розу и ни разу не назвала её другим именем. Это следовало принять во внимание.

После чая Джулиан повёл Фенна наверх. На площадке висел большой портрет Ричарда Эшкомба с охотничьей собакой. Собака была изображена гораздо удачнее хозяина. Художник сумел придать ей доброжелательное выражение, которого у самого мистера Ричарда при жизни не наблюдалось.

— Иногда я думаю, что он всё слышит, — сказал Джулиан.

— Тогда будем говорить о погоде.

— Ему не понравилась бы Лидия.

Фенн остановился.

— Вы уверены?

— Ему вообще мало кто нравился. Актриса. Нет семьи, нет денег. Отец сказал бы, что я веду себя как мальчишка.

— Вы ведёте себя как мальчишка?

Джулиан погладил большим пальцем перила.

— Не знаю. Я понимаю, как всё выглядит. Мы знакомы четыре месяца. Она красива, я довольно богат — если не считать дом, который съедает больше, чем приносит. Беллами смотрит на меня так, словно я подписываю заведомо невыгодный договор.

— Беллами и на завтрак смотрит таким образом.

Джулиан не улыбнулся.

— Когда умерла мать, здесь стало очень тихо. Нора старалась. Все старались. А я иногда оставлял радио включённым в трёх комнатах сразу. Просто чтобы кто-нибудь разговаривал.

Он посмотрел в окно, выходившее во внутренний двор. Внизу Роза несла корзину белья, прижав её подбородком.

— С Лидией мне не нужно включать радио.

Фенн помолчал.

— Это хорошая причина жениться, — сказал он наконец. — Если вы слышите и то, что говорит она.

— Конечно, слышу.

— Я надеюсь.

Их шаги заглушил ковёр восточного коридора. Возле одной из дверей стоял раскрытый дорожный сундук. Женщина с карандашом за ухом склонилась над платьем, лежавшим на длинном столе. Заметив Джулиана, она быстро набросила сверху простыню.

— Вам сюда нельзя.

— Я только хотел…

— Все женихи только хотят. И все наступают на подол. Ступайте.

— Это Вайолет, — сказал Джулиан Фенну. — Она командует нами со вчерашнего вечера.

— С позавчерашнего, — поправила женщина. — Вчера вы наконец заметили.

У неё было круглое лицо, короткие рыжеватые волосы и очень усталые руки. Фенн поклонился ей, как полагается кланяться человеку, держащему булавки во рту, и пошёл дальше.

В жёлтой комнате было прохладно. На туалетном столике стоял кувшин с голубым рисунком, обращённый одной стороной к стене. Джулиан показал, как открывается заедающая оконная рама, спросил, достаточно ли одеял, и вдруг стал похож на мальчика, с гордостью принимающего школьного товарища.

— Если что-нибудь нужно, звоните. Правда, звонок иногда не работает. Тогда лучше кричать.

— Я начну со звонка.

Джулиан задержался в дверях.

— Вы ведь скажете мне, если заметите что-нибудь…

— Что именно?

— Не знаю. Неприятное. Я ничего не хочу упустить.

Фенн посмотрел на него, но молодой человек уже покачал головой.

— Глупости. Нервы. Увидимся за ужином.

Когда он ушёл, Фенн распаковал чемодан. Он делал это аккуратно, не спеша, разложив вещи в том порядке, в каком собирался ими пользоваться. В маленький ящик рядом с кроватью положил очки и записную книжку.

Из окна виднелась боковая дорожка. Элеонора стояла там с Томасом и показывала на старую оранжерею. Садовник качал головой. Затем она приложила ладонь к кирпичной стене — быстрым, почти рассеянным движением, — и направилась обратно к дому.

Фенн вспомнил девочку, которую когда-то видел здесь на каникулах. Та выстроила в оранжерее маленький сад из разбитых цветочных горшков и очень сердито объясняла Джулиану, что его игрушечной железной дороге там не место. Он не мог вспомнить, сколько лет ей тогда было. Возможно, десять.

В холле снова зазвонил телефон.

— Да, это Уинтерхолл, — ответил внизу голос Элеоноры. — Нет, хозяин занят. Передайте мне.

Фенн закрыл чемодан и подошёл к кувшину. Он повернул его, обнаружил трещину и вернул на прежнее место.

До ужина оставалось около часа. Он решил пройтись по саду, пока ещё можно было сделать это, никому не мешая.

Место за столом

Садовая калитка находилась не там, где помнил Фенн. За пять лет её перенесли на несколько ярдов, а прежний проход заложили светлым кирпичом. Фенн уже собирался вернуться, когда из-за кустов смородины вышла Роза с пустой корзиной.

— Вам к пруду, сэр? Теперь здесь.

Она провела его между грядками. Девушка была тоненькая, с серьёзными карими глазами и красными от горячей воды руками. На одном пальце виднелось кольцо из дешёвого металла, которое она машинально прикрыла, заметив его взгляд.

— Подарок? — спросил Фенн.

— От сестры. На девятнадцатилетие.

— Хорошая сестра.

— Она служит в Истборне. В больнице.

В голосе Розы послышалась зависть, совсем не злая.

— Вы тоже хотели бы?

— Я писала насчёт подготовки. Нужно ещё собеседование. Но сейчас столько работы, что не до поездок.

— После свадьбы станет легче.

Роза остановилась возле низкой деревянной дверцы.

— Да, сэр. Наверное.

Дверца вела к пруду. На воде лежала ряска, у дальнего берега качалась лодка с выцветшей синей полосой. Фенн вспомнил, как Кэролайн Эшкомб пыталась убедить его прокатиться в этой лодке, а он объяснял, что крайне полезен государству на суше.

Роза всё ещё стояла рядом.

— Вам что-то хотелось спросить? — сказал он.

— Вы ведь знакомы с мистером Джулианом давно?

— Довольно давно.

— Если он что-то обещает, он потом помнит?

Фенн не стал отвечать сразу.

— Это зависит от обещания. И от того, напомнят ли ему.

— Да, сэр.

— Он обещал вам помочь с больницей?

Она покраснела.

— Сказал, что поговорит с доктором Мередитом. Но я не об этом. Он сказал отцу, что нас не выселят, что бы ни случилось.

— А что должно случиться?

— Ничего. Простите, сэр. Я не должна была.

— Почему?

Но Роза уже отступила к калитке.

— Миссис Пайк ждёт смородину.

Она посмотрела на пустую корзину и ещё сильнее смутилась. Фенн сделал вид, что не заметил.

— Тогда не будем задерживать миссис Пайк.

Он прошёл вдоль пруда, остановился у скамейки и некоторое время наблюдал за жуком, который без видимого успеха пытался выбраться из перевёрнутого листа. Затем наклонился, поддел лист веточкой и перевернул. Когда он выпрямился, на дорожке появился Леонард Беллами.

Солиситор носил старомодные жилеты даже летом. Его седые волосы были тщательно зачёсаны назад; под мышкой он держал тонкую кожаную папку. Увидев Фенна, он заметно обрадовался.

— Мне сказали, что вы здесь. Прекрасно выглядите.

— Вы второй человек, который сегодня сообщил мне это. Я начинаю тревожиться.

Они пожали друг другу руки.

— Какая свадьба, а? — сказал Беллами.

— Пока я видел только стулья.

— Нет, я имею в виду саму женитьбу. Очень внезапно.

Фенн сел на скамейку. Беллами не сел, вероятно опасаясь за брюки.

— Четыре месяца, — продолжал он. — Человек вправе принимать собственные решения, разумеется. Джулиану двадцать восемь. Но опыт… определённый жизненный опыт…

— У мисс Вейн его, вероятно, больше.

— Именно.

Беллами осёкся. Фенн взглянул на него без улыбки.

— Вы знаете о ней что-нибудь дурное?

— Ничего. Абсолютно ничего.

— Тогда, может быть, вы беспокоитесь о другом?

Беллами провёл пальцем по краю папки.

— После смерти Ричарда многое осталось неурегулированным. Старые договоры аренды. Содержание дома. Налоги. Потом умерла Кэролайн. Я старался не докучать мальчику, пока он приходил в себя.

— А он всё приходил в себя?

— Вы понимаете, о чём я. Джулиан добр. Он не хочет никого обидеть. Такому человеку трудно объяснить, что нельзя одновременно сохранить всё как прежде и начать жить совершенно иначе.

Фенн посмотрел на дом. Из-за деревьев виднелись окна второго этажа, некоторые раскрытые, некоторые наглухо закрытые ставнями.

— Он собирается продавать Уинтерхолл?

Беллами помедлил.

— Он рассматривает предложения.

— Элеонора знает?

— Элеонора знает больше, чем кто-либо из нас. Счета оплачивает она.

— Счета — да. А предложения?

На этот раз солиситор посмотрел на него с лёгким недовольством.

— Вы давно не были здесь, Фенн.

— Вот почему я спрашиваю.

Беллами вздохнул и наконец сел, предварительно проверив скамейку ладонью.

— У неё нет собственного дома. Филип, брат Ричарда, почти ничего не оставил. Девочку взяли сюда, вырастили. Ричард был с ней…

Он поискал слово.

— Строг, — предложил Фенн.

— Он считал, что оказывает ей благодеяние. Несомненно, он и оказывал.

— Временами эти две вещи трудно отделить.

— Джулиан хотел бы обеспечить её. Завтра мы подпишем новые бумаги. После церемонии. Я настаивал, чтобы он обдумал всё без спешки.

— И обдумал?

— Он сказал, что всем будет хорошо.

Фенн поднял с гравия сухую веточку.

— Это обычно самая трудная формулировка для поверенного.

Беллами усмехнулся.

— Уверяю вас, я не включил её в текст.

К ужину прибыли последние гости. Леди Беатрис Харт, жившая в шести милях от Уинтерхолла, привезла два чемодана и маленькую подушку, без которой, по её словам, не могла спать на чужой кровати. Она немедленно спросила, хорошо ли топят в доме, хотя вечер был тёплый, и сообщила Элеоноре, что розы следовало брать розовые.

— Белые делают лицо невесты жёлтым, если она не совсем молода. Впрочем, ваша ещё молода?

— Лидии двадцать шесть.

— Тогда ей всё равно, какие розы.

За ней приехали супруги Кин. Священник нёс подарок, завёрнутый так старательно, что бумага уже разошлась на углах. Маргарет Кин без всяких расспросов сняла шляпу и отправилась помогать с цветами.

Майлз Редферн появился последним, когда Дейкр уже разливал херес. Его серебристая машина остановилась посреди подъездной дорожки, перегородив путь фургону, и Томасу пришлось просить её переставить. Редферн извинился чрезвычайно любезно и оставил ключи садовнику.

Он был ещё красив, хотя хороший портной уже заметно помогал ему поддерживать это впечатление. Тёмный костюм сидел безукоризненно. Улыбка возникала легко и исчезала, как только собеседник отворачивался.

— Джулиан, дорогой мой! Едва успел. На дороге совершенно невероятные работы. Такое впечатление, что всю Англию решили перерыть к твоей свадьбе.

— Ты мог выехать раньше, Майлз.

— Но тогда мне пришлось бы отказаться от деловой встречи. А я, в отличие от тебя, ещё должен зарабатывать на жизнь.

Он произнёс это шутливо, однако Джулиан не улыбнулся.

— Мы поговорим о твоих делах завтра, — сказал он.

— Завтра у тебя найдутся занятия приятнее.

— Всё-таки поговорим.

Редферн опустил глаза к своему бокалу. Фенн стоял возле книжного шкафа достаточно близко, чтобы услышать разговор, и достаточно далеко, чтобы его присутствие не требовало внимания.

Лидия подошла к новому гостю и протянула руку.

— Я рада, что вы приехали. Джулиан говорил, вы знали его ещё мальчиком.

— И могу сообщить массу компрометирующих подробностей. За надлежащее вознаграждение.

— Только не сегодня, — сказал Джулиан.

Редферн снова улыбнулся, и разговор перешёл на Лондон.

В столовой зажгли свечи. Электричество работало вполне исправно, но миссис Пайк считала, что перед свадьбой полагаются свечи, а леди Беатрис заявила, что при них меньше видно штукатурку. Джулиан сидел во главе стола, Лидия по правую руку от него; напротив, на другом конце, Элеонора проверяла, всем ли подали суп.

Фенн оказался между Маргарет Кин и Вайолет Крейн. Костюмерша надела тёмно-синее платье и маленькие серьги, но карандаш за ухом всё-таки остался. Заметив, куда он смотрит, она сняла его и положила возле тарелки.

— Привычка. Однажды вышла так на поклон. Думала, публика смотрит на мою причёску.

— Вы тоже играете?

— Когда не хватает народу. В основном крестьянок, которые входят с корзиной и немедленно уходят. Это очень подходит моему темпераменту.

— А мисс Вейн?

— Лидии полагается оставаться.

Вайолет взглянула в сторону невесты. Та слушала доктора Мередита, слегка склонив голову. Доктор был широкоплеч, близорук и производил впечатление человека, которого обстоятельства заставили переодеться посреди рабочего дня.

— У неё большой талант? — спросил Фенн.

— Есть, — ответила Вайолет после паузы. — Только талант не всегда оплачивают вовремя.

Маргарет Кин спросила о гастролях, и Вайолет охотно рассказала о гостинице в Йорке, где отопление включалось лишь после того, как жилец ударял по трубе тазом. Рассказ имел успех. Даже Беллами, сидевший напротив, позволил себе улыбнуться.

— А в Бристоле? — спросила Маргарет. — Мне кажется, я видела там Лидию. Прошлой осенью. Что-то про наследство…

— «Чужая комната», — сказала Вайолет. — Там всё было про наследство. Даже любовная сцена.

Элеонора попросила Дейкра передать хлеб.

— Вы играли хозяйку дома? — обратилась Маргарет к Лидии.

— Нет, девушку, которую считали хозяйкой. В последнем действии выяснялось, что дом принадлежит её сестре.

— Очень запутанно, — заметила леди Беатрис. — Не проще ли было спросить поверенного в первом действии?

— Тогда спектакль закончился бы до ужина, — ответила Лидия.

— Иногда это было бы к лучшему.

Все засмеялись. Фенн заметил, что Вайолет вдруг внимательнее посмотрела на Элеонору. Та наклонилась к доктору и спросила о больной женщине из деревни. Когда Вайолет снова повернулась к Фенну, выражение её лица было обычным.

Подали рыбу, затем жаркое. Дейкр двигался вокруг стола неторопливо, но каждый раз оказывался там, где его ждали. Роза, помогавшая ему, слишком крепко держала блюдо. Миссис Пайк один раз появилась в дверях, посмотрела на неё, и пальцы девушки сразу разжались.

Разговор коснулся новых автомобилей, телевизионных передач и прошлой зимы. Леди Беатрис утверждала, что телевидение портит английское произношение. Доктор Мередит возражал, что до его появления большинство жителей Маршли тоже не говорили как дикторы. Священник пытался вспомнить название передачи, которую смотрел по четвергам, а его жена мягко напомнила, что по четвергам он был на заседаниях приходского совета.

— Тогда по средам, — сказал он.

— По средам, дорогой, ты засыпаешь у приёмника.

— Я прекрасно могу слушать с закрытыми глазами.

Фенн ел и слушал. Иногда собеседники обращались к нему, но он охотно уступал разговор другим. Ему нравились такие ужины: люди постепенно забывали, кем он служил, и становились самими собой. Джулиан, например, переставал следить за своим галстуком; Беллами начинал есть быстрее; Редферн ни разу не смотрел на часы, зато следил за руками хозяина, когда тот касался нагрудного кармана.

— Что у тебя там? — спросила наконец Лидия у жениха. — Ты всё время проверяешь.

— Письмо. Я обещал Беллами не потерять.

— Не то письмо, — быстро сказал солиситор.

Джулиан посмотрел на него, затем рассмеялся.

— Действительно, не то. У меня сегодня слишком много писем.

Редферн взял бокал.

После жаркого речь зашла об Уинтерхолле. Начал доктор, рассказав о санатории, открывшемся в соседнем графстве в бывшем загородном доме.

— Прекрасное место, — сказал он. — Большие окна, хороший воздух. Правда, старый хозяин до сих пор приезжает проверять, не переставили ли его бильярдный стол.

— И правильно делает, — отозвалась Беатрис. — Люди, которые лечатся, всегда что-нибудь переставляют.

Джулиан улыбнулся.

— Я видел проект школы в таком доме. Довольно разумно. Восточное крыло здесь почти пустует.

За столом стало чуть тише.

Элеонора положила нож возле тарелки.

— Восточное крыло нужно сначала отремонтировать.

— Конечно.

— И крышу над галереей. И водопровод. Школа не станет оплачивать ремонт за нас.

— Я не говорил, что это решено.

— Зато ты уже позволил людям приехать с измерительными лентами.

Джулиан покраснел.

— Нора, мы обсуждали это.

— Ты сказал, что они осмотрят помещения.

— Именно это они и делали.

— Они спрашивали Томаса, сколько времени потребуется освободить коттедж.

Вайолет опустила глаза. Роза застыла возле буфета, держа пустую тарелку.

Джулиан заметил её.

— Никому не придётся освобождать коттедж, — сказал он достаточно громко. — Я уже объяснил это Томасу.

— Тогда объясни и тем людям.

Лидия осторожно коснулась руки жениха.

— Мы можем поговорить об этом после свадьбы.

— Совершенно верно, — вмешался Беллами. — Сейчас никаких решений не принято. Ни о продаже, ни об аренде.

— О продаже? — переспросила леди Беатрис.

— Это один из вариантов, — сказал Джулиан.

Элеонора не подняла головы.

— Для тебя, вероятно.

Тишина продлилась недолго, но Фенн успел услышать, как на кухне хлопнула дверца печи. Затем Маргарет Кин спросила Вайолет, сколько потребовалось ткани на свадебное платье. Вопрос был задан с таким искренним интересом, что все с благодарностью приняли новую тему.

Джулиан повернулся к Элеоноре, сидевшей на другом конце стола.

— Я ничего не сделаю, не поговорив с тобой. Обещаю.

— Хорошо, — ответила она.

Фенн подумал о Розе и её вопросе у калитки.

В гостиной подали кофе. Лидия села за пианино, но сыграла всего несколько тактов и закрыла крышку.

— Завтра, — сказала она. — Сегодня я ужасно боюсь всего, что требует обеих рук.

Джулиан принёс ей чашку. На этот раз сахар был подан отдельно.

Фенн вышел на террасу. Вечер был ещё светлым, хотя над деревьями уже показывалась бледная луна. Из открытых окон слышались голоса. Через несколько минут к нему присоединилась Вайолет.

Она вынула сигарету из мятой пачки.

— Вы не против?

— Нисколько.

Фенн поднёс спичку. Вайолет прикрыла пламя ладонью.

— Здесь красиво, — сказала она. — Я думала, такие дома бывают только в пьесах. Там вечно надо изображать их с помощью двух колонн и занавески.

— Колонны здесь настоящие.

— Я заметила. От них ужасно холодно спине.

Она курила молча. Потом спросила:

— Вы хорошо знаете мисс Эшкомб?

— Знал её ребёнком. Взрослой — гораздо меньше.

— Она всегда жила здесь?

— Почти с самого детства.

— Понятно.

— Почему вы спрашиваете?

— Мне кажется, я видела её раньше.

— Возможно, в театре.

— Возможно.

Вайолет стряхнула пепел в цветочный горшок, заметила это и смущённо посмотрела на Фенна.

— Ужасные привычки. Лидия всё время меня одёргивает.

Она раздавила окурок о камень и завернула в бумажку, которую нашла в кармане.

— Пойду заканчивать платье. Внизу у них разговоры, а у меня ещё тридцать две петли.

Когда она ушла, Фенн некоторое время оставался на террасе. Из столовой вышел Редферн. Увидев его, он остановился, словно намеревался повернуть обратно, но затем подошёл к перилам.

— Хороший вечер.

— Да.

— Вы ведь служили в полиции?

— Служил.

— Джулиан рассказывал. Должно быть, любопытная работа.

— Временами.

Редферн провёл пальцами по каменной ограде.

— Часто люди попадают в неприятности по совершенно случайным причинам. Подпишут не ту бумагу. Поверят кому-нибудь. Со стороны всё выглядит гораздо хуже, чем было на самом деле.

— Такое случается.

— А убедить потом почти невозможно.

Фенн повернул к нему голову.

— Кого убедить?

— Да я так. Вообще.

Редферн улыбнулся, но впервые за вечер улыбка ему не удалась.

В освещённом дверном проёме появился Джулиан.

— Майлз. Я искал тебя.

— Я весь к твоим услугам.

— Не сейчас. Завтра, перед тем как мы уедем. В кабинете.

— Джулиан, право, это можно уладить иначе.

— Я хочу услышать объяснение. Ты его дашь, и тогда решим.

Редферн очень медленно выпрямился.

— Ты всё-таки сын своего отца.

— Нет, — сказал Джулиан. — Поэтому я ещё прошу объяснений.

Он ушёл. Редферн остался стоять у перил, глядя на сад, и Фенн счёл приличным вернуться в гостиную.

Там Элеонора собирала пустые чашки. Он взял поднос с другого столика и понёс к двери.

— Дейкр будет в ужасе, — сказала она.

— Я поставлю его раньше, чем он войдёт.

— Вы всегда были добры к нам.

— Это совсем нетрудно. У вас лёгкие подносы.

Она не улыбнулась. Из холла доносился смех Лидии, а затем голос Джулиана, слишком тихий, чтобы разобрать слова.

— После свадьбы многое изменится, — сказала Элеонора.

Фенн поставил поднос.

— Обычно люди на это и рассчитывают.

Она посмотрела на свои руки.

— Да. Обычно.

В ту ночь Фенн долго не мог заснуть. Он лежал в жёлтой комнате, слушал скрип половиц над головой и пытался вспомнить, кем приходилась Кэролайн какая-то женщина в синем платье на старой фотографии. Память упрямо предлагала ему имя, которое явно принадлежало другому человеку.

Около полуночи в коридоре затихли шаги. Дом постепенно успокоился. В последний раз за стеной прошумела вода.

Фенн уже задремал, когда из сада донёсся короткий мужской смех. Он открыл глаза и узнал голос Джулиана. Молодой человек что-то сказал; женщина ответила ему, и их шаги удалились по гравию.

Фенн повернулся на другой бок. Ему стало легче. Завтра была свадьба. До завтрашних дел ещё оставалось несколько часов, и на эти часы Уинтерхолл принадлежал двоим счастливым людям.

Сахарные фиалки

Суббота началась с дождя, которого никто не заказывал и который, по убеждению миссис Пайк, мог бы выбрать другое утро.

В шесть часов он стучал по подоконникам так настойчиво, что экономка велела убрать с газона скатерти. В семь Томас предсказал перемену погоды. В восемь дождь прекратился, и Томас стал рассказывать, что предупреждал об этом ещё вчера.

К девяти над мокрыми липами показалось бледное солнце. В открытые окна потянуло землёй и нагретой листвой. Миссис Пайк позволила вынести скатерти обратно.

Фенн спустился к завтраку в девять и застал за столом доктора Мередита. Доктор ел яичницу и читал газету, разложенную так, что она занимала место ещё одного человека.

— Вы рано, — заметил он.

— Мне обещали, что жених ещё спит.

— Не спит. В семь пришёл ко мне спрашивать, нормально ли, что у него дрожат руки.

— И что вы сказали?

— Посоветовал позавтракать. Иногда это помогает лучше лекарств.

Он сложил газету и подвинул Фенну кофейник.

— Хороший мальчик, Джулиан. Вы ведь знали его мать?

— Да.

— Он на неё похож. Ричард бы не признал, но это так.

За окном прошла Элеонора. На ней было старое коричневое пальто поверх платья, в руках она несла клубок бечёвки. Доктор проследил за ней взглядом.

— А эту я третий год убеждаю уехать хотя бы на месяц.

— Что ей мешает?

— Она утверждает, что без неё рухнет дом.

— Вы не согласны?

— Дом-то, возможно, и рухнет. Но от этого ей следовало бы уехать ещё скорее.

Он говорил без насмешки. Фенн спросил, часто ли Элеонора болеет.

— Почти никогда. Она для этого слишком занята. Когда заболевают такие люди, мы обычно узнаём последними.

Дейкр принёс тосты. Вслед за ним в столовую вошла леди Беатрис, уже в шляпке, хотя до отъезда в церковь оставалось больше двух часов.

— У меня в комнате перестали идти часы, — объявила она.

— Они не идут с апреля, миледи, — ответил Дейкр.

— Следовало предупредить. Я из-за них проспала.

— Разумеется, миледи.

Он пододвинул ей стул. Фенн встал, доктор попытался одновременно встать и дожевать тост, а Беатрис села, удовлетворённая тем, что её утро получило надлежащее объяснение.

Наверху Лидия стояла босиком посреди спальни, пока Вайолет прикалывала к подолу последний кружевной фрагмент. Роза принесла поднос с чаем и остановилась у двери.

Платье было проще, чем она ожидала. Никаких огромных рукавов и жемчужных цветов, какие печатали в журналах; гладкий лиф, узкая талия, мягкие складки юбки. Ворот открывал шею. Волосы Лидии Вайолет убрала так, что лицо казалось моложе.

— Поставь туда, милая, — сказала костюмерша, не поднимая головы. — И не пугайся: я сейчас стою на коленях по профессиональной необходимости.

Роза поставила поднос.

— Вы очень красивая, мисс.

Лидия посмотрела на неё в зеркало.

— Спасибо.

— Повернись, — распорядилась Вайолет. — Медленно. Замуж ты выйдешь через два часа, а наступить мне на руку можешь сейчас.

Лидия повернулась.

На туалетном столике лежали перчатки, маленький букет белых роз и закрытый футляр. Роза стала переставлять флаконы, освобождая место для чашки.

— Футляр не трогай, пожалуйста, — сказала Лидия.

Девушка немедленно отдёрнула руку.

— Я ничего…

— Знаю. Там застёжка сломана. Откроется, и всё рассыплется.

Она сказала это мягко, однако Роза всё равно отошла от столика. Лидия заметила её смущение.

— Ты останешься помогать Вайолет после церкви?

— Да, мисс.

— Тогда у нас будет время поговорить. Джулиан сказал, ты собираешься в больницу.

— Только учиться. Если возьмут.

— Возьмут, — сказала Вайолет. — У тебя достаточно испуганный вид. Сёстры сначала все такие, а потом пугают остальных.

Роза рассмеялась.

Лидия потянулась к чашке. Вайолет перехватила её запястье.

— Не на платье.

— Я не пролью.

— Ты не прольёшь на репетиции. Сегодня — непременно.

В дверях показалась Элеонора. Она уже сняла пальто и переоделась в бледно-зелёный костюм. Фенн, увидевший её позднее, с трудом узнал в ней женщину, которая ещё утром ходила по саду с клубком бечёвки. На лацкане была приколота маленькая ветка белых цветов.

— Машина подойдёт в одиннадцать десять, — сказала она. — Букет здесь? Хорошо. Вайолет, вы поедете с Лидией. Я буду у церкви.

— А кто будет следить за женихом? — спросила костюмерша.

— Все остальные.

— Тогда есть надежда.

Элеонора подошла к окну и взглянула на небо. Затем оглянулась на невесту.

— Всё в порядке?

— Да.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Роза подумала, что сейчас мисс Элеонора скажет что-нибудь сердечное, может быть, пожелает счастья. Но та лишь поправила край перчатки на туалетном столике и вышла.

— Не обращай внимания, — сказала Вайолет, вытаскивая булавку. — У каждого свои нервы.

Лидия ничего не ответила.

Церковь Святого Марка стояла в низине, окружённая старым кладбищем. Между каменными плитами росли маргаритки. Когда Фенн вышел из машины, солнце уже сушило дорожку, а возле ворот собрались деревенские женщины, решившие посмотреть на невесту.

Джулиан стоял у входа с Беллами. Солиситор проверял карман, в котором лежали кольца, с такой частотой, что Фенн стал опасаться за прочность ткани.

— Вы не опоздали, — сказал Джулиан.

— Я ещё ни разу не опоздал на свадьбу, где меня должны были кормить.

— Скажите, галстук ровный?

— Вполне.

— Нора поправляла его три раза.

— Значит, у неё хорошая практика.

Вблизи Джулиан выглядел бледнее обычного, но глаза у него блестели. Он снова посмотрел на дорогу. Фенн вспомнил его мать в этой церкви, много лет назад: Кэролайн сердилась на органиста за слишком быстрый темп и никак не могла удержать улыбку.

На сегодняшней свадьбе родителей не было ни с той, ни с другой стороны. Это замечали все, но никто не говорил об этом вслух.

Элеонора прошла к своей скамье одна. Она остановилась возле Беллами, что-то тихо сказала ему, и солиситор кивнул. Фенн сел с доктором позади леди Беатрис. Шляпка Беатрис значительно сокращала обзор, зато давала возможность подробно изучить искусственную птицу, прикреплённую к тулье.

Органист начал играть.

Лидия появилась в дверях рядом с Вайолет. Здесь, в полутёмной церкви, её платье казалось почти серебристым. Она шла без спешки, одной рукой придерживая юбку. Вайолет остановилась у первой скамьи, и последние шаги Лидия сделала одна.

Джулиан повернулся к ней. Его лицо изменилось так заметно, что Фенн почувствовал неловкость, словно увидел чужое письмо, которое забыли закрыть.

Саймон Кин начал церемонию. Его голос, обычно немного рассеянный, звучал уверенно. На каменных стенах дрожали отражения солнца. Где-то позади кашлянул мужчина. Ребёнок спросил у матери шёпотом, достаточно громким для всей церкви, почему невеста не смотрит на гостей.

Лидия передала перчатки Вайолет. Кольцо оказалось чуть тесным. Джулиан остановился, испуганно взглянул на Лидию, и она едва заметно кивнула. Со второй попытки кольцо скользнуло на палец.

Лидия произнесла обещание ясно, без той выразительности, которая слышалась в её обычной речи. Джулиан запнулся на одном слове и улыбнулся ей. Она ответила улыбкой.

Когда всё закончилось, леди Беатрис промокнула глаза платком и немедленно объяснила доктору, что в церкви сквозняк.

В ризнице пахло сырой бумагой и мебельной политурой. Подписывая книгу, Джулиан поставил слишком большую букву и виновато посмотрел на священника.

— Места хватит, — заверил Кин.

Лидия взяла ручку. Вайолет поправила ей фату. Элеонора стояла у двери, прижав к груди молитвенник.

— Теперь поздравлять уже можно? — спросил Фенн.

— Теперь обязательно, — ответил Джулиан.

Он обнял Элеонору. Она на мгновение закрыла глаза.

— Будь счастлив, — сказала она.

— И ты, Нора.

Она высвободилась первой и повернулась к Лидии.

— Добро пожаловать домой.

У церковных ворот их ждал Питер Шоу. Молодой фотограф был одет гораздо менее торжественно, чем остальные, и смотрел на небо с выражением профессиональной благодарности.

— Ещё минутку. Мистер Эшкомб, немного левее. Нет, ваше левее. Прекрасно. Мисс… простите, миссис Эшкомб, поднимите букет.

Лидия выполнила просьбу прежде, чем он договорил. Питер посмотрел на неё поверх камеры.

— С вами легко работать.

— Вы ещё не видели меня после обеда.

— Для съёмки после обеда у меня есть запасная плёнка.

Он сделал несколько кадров. Затем подозвал Элеонору, Беллами и остальных. Леди Беатрис потребовала, чтобы её не ставили рядом с доктором, потому что тот слишком высок. Доктор предложил присесть. Беатрис сочла это издевательством.

Когда свадебная машина тронулась, деревенские женщины замахали молодым. Роза, стоявшая с отцом за оградой, увидела, как Джулиан приподнялся на сиденье и помахал в ответ именно им. Она была уверена, что именно им.

В Уинтерхолле всё оказалось на местах: столы, привезённые стулья — восемь одного вида и четыре другого — вперемешку с домашними, холодное мясо, салаты, серебряные блюда, о происхождении которых миссис Пайк предпочитала не расспрашивать Дейкра. Среди приглашённых были соседи, несколько арендаторов и люди, которых Джулиан помнил с детства. Приём получился не столь большой, как полагала леди Беатрис, и гораздо более шумный, чем ожидал Беллами.

В половине первого Беллами нашёл хозяина у террасы.

— Если вы всё ещё намерены, Джулиан, лучше сейчас. Мне понадобятся несколько минут и два свидетеля.

Улыбка Джулиана на мгновение погасла.

— Конечно. Я обещал.

Лидия посмотрела на мужа, потом на солиситора.

— Мне идти с вами?

— Нет, дорогая, — ответил Джулиан. — Это скучно. Я сейчас вернусь.

Беллами попросил Дейкра и миссис Пайк пройти в малую гостиную. Дверь закрылась. Через некоторое время оттуда вышла экономка, поправляя манжеты, за ней дворецкий. За ними появился Джулиан.

Он увидел Фенна и остановился.

— Всё уладил, — сказал он. — Теперь можно думать о хорошем.

— Бумаги обычно пишут именно для этого, — ответил Фенн.

— Нора говорит, бумаги ничего не меняют, если человек сам не знает, чего хочет.

— Иногда она права.

Джулиан посмотрел через раскрытую дверь в сад. Лидия разговаривала с Вайолет, придерживая букет за длинные стебли. Ветер шевелил край её фаты.

— Сейчас я знаю, — сказал он.

Беллами вышел следом и направился к столам. Лидия задержала его у двери.

— Всё подписано? — спросила она. — Теперь Нора может не тревожиться?

— Всё, что от нас зависело, сделано.

Элеонора стояла рядом, проверяя, всем ли хватило приборов. Она поблагодарила солиситора, переложила вилку с одного места на другое и позвала гостей к столу.

Фенн сидел под липой с доктором, когда к ним подошёл Томас. Садовник держал стакан пива и чувствовал себя неуверенно в воскресном пиджаке.

— Хорошо всё вышло, — сказал он.

— Очень, — согласился Фенн.

Томас посмотрел в сторону дома.

— Миссис Кэролайн понравилось бы.

Доктор кивнул.

— А старый хозяин, — продолжил садовник, — сказал бы, что слишком много едят.

Фенн рассмеялся, и Томас наконец расслабился.

На террасе Джулиан говорил с пожилой женщиной в чёрном. Она держала его за рукав и никак не отпускала. Лидия стояла рядом, слушала и время от времени наклонялась, чтобы лучше расслышать. Отойдя, женщина сказала соседке, что актрисы, оказывается, бывают совершенно обычными людьми.

Элеонора переходила от одного стола к другому. Она принесла плед старой миссис Уэбб, велела заменить тёплое пиво и нашла пропавшую сумочку, которую леди Беатрис оставила на собственной кровати. Лидия дважды попросила её сесть.

— Через минуту, — отвечала Элеонора.

Минута всё не наступала.

Когда в половине второго принесли торт, гости придвинулись ближе к террасе. Он был белый, в три яруса, с небольшими сахарными розами и гладкой лентой по краю. Миссис Пайк с облегчением убедилась, что кондитер всё-таки понял исправление из запоздавшего письма: наверху не было обещанных им двух нелепых голубков.

— Они походили на куропаток, — сказала она Дейкру вполголоса.

— Некоторые браки выдерживают и это, — ответил тот.

Питер приготовил камеру.

— Не торопитесь разрезать. Сначала посмотрите сюда.

— Я умираю с голоду, — сказал Джулиан.

— Ты съел два цыплячьих крылышка, — заметила Элеонора.

— От волнения они не считаются.

Лидия положила ладонь на рукоять ножа. Джулиан накрыл её руку своей. Питер сделал снимок, попросил их на секунду задержаться и сделал ещё один. Кто-то из гостей захлопал раньше времени.

Первый кусок оказался неровным. Лидия засмеялась и сдвинула отломившуюся глазурь на край тарелки.

— Пожалуй, мне следовало потренироваться.

— Ничего, — сказал Джулиан. — У нас большой торт.

Элеонора подошла к ним с маленькой овальной коробочкой из потемневшего серебра. Фенн обратил на неё внимание потому, что такую коробочку Кэролайн когда-то носила в сумочке. Эта была другой: на крышке виднелась тонкая гравировка в виде ветки.

— Я чуть не забыла, — сказала Элеонора. — Вот.

Она открыла крышку. На вощёной бумаге лежали засахаренные фиалки.

— Где ты их нашла? — спросил Джулиан.

— В Лондоне. Ты ведь любил их в детстве.

— Я любил снимать их с чужих пирожных. Мать говорила, что это дурная привычка.

— Так и было.

Лидия взяла одну фиалку и положила на маленький кусочек торта.

— Тогда сегодня можно. На правах жениха.

Она подняла вилку к его губам. Джулиан открыл рот с нарочитой покорностью, заставив всех рассмеяться. Питер быстро поднял камеру.

— Погодите. Ещё…

— Поздно, — сказал Джулиан, проглотив. — Теперь только моё довольное лицо.

— Этого хватит.

Фотограф сделал снимок. Джулиан поцеловал Лидию, и гости захлопали снова, на этот раз единодушно.

Элеонора закрыла коробочку. Леди Беатрис попросила показать её гравировку. Та протянула коробочку, придерживая крышку большим пальцем.

— Работа не новая, — сказала Беатрис. — Очень приятная. Это материнская?

— Да.

— Хорошо, что сохранили. Сейчас такие вещи продают за бесценок.

Элеонора убрала коробочку в сумочку. Дейкр тем временем принялся нарезать торт, и внимание гостей переместилось к более существенному предмету.

Тосты произносили недолго. Беллами говорил о счастье, ответственности и покойных родителях жениха. На последнем Джулиан опустил глаза. Священник пожелал молодым терпения, за что Маргарет взглянула на него с улыбкой. Леди Беатрис дала совет не покупать слишком мягких кроватей и была чрезвычайно удивлена общим весельем.

Когда поднялся Джулиан, Фенн заметил, как Лидия незаметно разгладила складку на его рукаве.

— Я приготовил речь, — начал он. — Она лежит наверху. Полагаю, это к лучшему.

Все засмеялись.

— Я хотел поблагодарить вас за то, что вы приехали. И тех, кто не сидит сейчас за столом, потому что заботится обо всех нас. Пайк, я вижу вас в дверях. Не уходите.

Экономка покраснела и осталась на месте.

— Этот дом держался на вас гораздо дольше, чем на мне. На вас, на Дейкре, на Томасе. И на Норе.

Элеонора сидела, глядя на скатерть.

— Я знаю, что часто говорил «спасибо» слишком поздно. Или вообще забывал. Сегодня мне хотелось бы не забыть.

Он замолчал, повернулся к жене и вдруг утратил всю лёгкость, с которой начал речь.

— А тебе… Я надеюсь, что ты будешь здесь счастлива.

Лидия подняла на него глаза.

— Буду, — сказала она достаточно тихо, чтобы это услышали только ближайшие гости.

После тостов люди разошлись по саду. Кто-то попросил показать оранжерею, кто-то сел в тени, леди Беатрис объявила, что солнечный свет крайне вреден после еды. Роза унесла пустые бокалы. Фенн помог ей поднять салфетку, упавшую на дорожку.

— Смотрите, — сказала девушка, кивнув на Джулиана. — Он всё-таки вспомнил.

— Что именно?

— Поблагодарить.

Около трёх начали разъезжаться соседи. У ворот обменивались последними пожеланиями, спорили о дорогах и возвращали забытые вещи. В доме стало заметно тише. Миссис Пайк велела убрать столы до вечера, но оставить цветы.

Джулиан снова поднялся на террасу. Фенн увидел, как он на секунду остановился у перил и приложил пальцы к виску.

— Устали?

— Немного. Наверное, слишком мало спал.

— Выпейте воды.

— Именно это говорит доктор. Вы с ним сговорились?

Он улыбнулся и пошёл в дом.

На газоне остались две маленькие девочки. Они собирали лепестки, высыпавшиеся из корзины, и делили их поровну. Одной достался лишний, и она протянула его сестре.

Фенн смотрел на них, пока Дейкр не позвал его к телефону. Звонила его квартирная хозяйка из Лондона: кто-то принёс для него пакет и хотел получить расписку. Фенн объяснил, что вернётся через несколько дней, и попросил не беспокоиться.

Когда он положил трубку, в холл вошла Элеонора.

— Всё хорошо? — спросила она.

— Да. Обычные дела.

— Я рада.

Она отнесла на лестницу забытый кем-то букет. На ковре осталась капля воды, затем другая. Фенн поднял зонтик, который упал возле стойки, и подумал, что к вечеру в доме наконец станет спокойно.

После последнего тоста

К четырём часам Уинтерхолл выглядел так, как выглядит дом после большого праздника: на лестнице лежала ничья перчатка, в гостиной стояли чашки, которыми никто не пользовался, а самые усталые люди ещё не могли позволить себе сесть.

Миссис Пайк отправила нанятых девушек на кухню, Розу — к миссис Эшкомб, а Дейкру сообщила, что, если кто-нибудь попросит горячий обед, она лично объяснит ему все обстоятельства. Дейкр ответил, что постарается предупредить такую просьбу.

Фенн нашёл Джулиана в библиотеке. Молодой хозяин стоял у окна, расстегнув воротник, и держал стакан воды. На столе рядом лежал раскрытый конверт.

— Я никого не искал, — сказал Фенн. — Просто хотел посмотреть, остался ли здесь атлас, которым ваша мать подпирала окно.

— Остался. Я запретил его выбрасывать.

— Мудрое решение. Прекрасное издание, особенно для южного окна.

Джулиан попытался улыбнуться. Вблизи он выглядел усталым. На верхней губе блестели мелкие капли пота, хотя в библиотеке было прохладно.

— Вам нехорошо?

— Желудок. Отвратительно глупо в такой день.

— Вы сказали Мередиту?

— Он заглядывал. Велел отдохнуть, а если не пройдёт — позвать его. Я всё время ел на ходу. Потом шампанское…

— Вы выпили немного.

— Достаточно, чтобы оно мне не понравилось.

Он поставил стакан и сел на край письменного стола.

— Фенн, можно спросить вас об одном деле?

— Можно.

Джулиан взял конверт, но не протянул его.

— Если человек поступил нечестно, а потом уверяет, что собирался всё вернуть… это что-нибудь меняет?

— Прежде всего нужно знать, что он сделал.

— Продал то, что ему не принадлежало. Вернее, подменил. Там довольно запутанная история.

— Тогда её не стоит сокращать до одной фразы.

Джулиан провёл ладонью по лбу.

— Вы правы. Сегодня вообще не день для таких разговоров. Я бы отложил, но он приехал, а потом мы уезжаем. Не хочу везти всё это с собой.

— Речь о Редферне?

Молодой человек посмотрел на него с удивлением, затем кивнул.

— Вы слышали нас вчера.

— Часть разговора.

— Я получил письмо из Лондона. От человека, которому нет причин лгать. Сначала подумал, что какая-то ошибка. Теперь…

Он вынул из конверта сложенный вчетверо плотный лист.

— А это расписка Редферна. Нашлась в семейном архиве. Покажу вам потом вместе с письмом: одно без другого мало что объясняет.

Джулиан убрал лист обратно и постучал конвертом по ладони.

— Всё равно сначала надо выслушать Майлза.

— И Беллами, — сказал Фенн.

— Он будет настаивать на полиции.

— Возможно, для этого найдутся основания.

Джулиан встал, но тут же остановился, опираясь рукой на стол. Фенн приблизился к нему.

— Посидите.

— Уже прошло. Просто резко поднялся.

— Позвать доктора?

— Не сейчас. Он и так провёл половину свадьбы, выслушивая Беатрис о её коленях. Я полежу немного.

Фенн не отошёл.

— Джулиан, неприятности редко делаются легче оттого, что мы стесняемся их причинять другим.

— Это вы о докторе или о Майлзе?

— О докторе.

— Хорошо. Если не пройдёт, позову. Обещаю.

На этот раз он сел в кресло и откинул голову на спинку. Фенн распахнул окно на несколько дюймов.

— Я скажу Пайк, где вы.

— Спасибо. И попросите, чтобы пока не беспокоили. Полчаса тишины — и я опять буду превосходным мужем.

На слове «мужем» он улыбнулся уже по-настоящему.

Фенн вышел в холл и передал просьбу экономке. Та немедленно нахмурилась.

— Он почти ничего не ел утром. Я говорила ему.

— Если он позвонит, пожалуйста, пошлите за Мередитом.

— Конечно.

Доктора Фенн нашёл на террасе. Он сидел с Кином, обсуждая, можно ли починить крышу приходского зала, не закрывая зала.

Фенн сказал о Джулиане. Мередит встал.

— Я посмотрю его ещё раз. Надеюсь, он не вздумал собирать чемодан.

Он прошёл в дом, а Фенн остался со священником. Кин предложил ему стул и заметил, что свадьба прошла очень хорошо, если не считать мальчика, который уронил молитвенник в купель.

— Его мать решила, что это знак, — сказал он. — Пришлось объяснять, что это всего лишь мокрый молитвенник.

Через несколько минут доктор вернулся.

— Упрямый молодой человек, — сказал он. — Лежать не желает. Впрочем, сейчас ему как будто легче. Я велел позвать меня сразу, если станет хуже. И ещё раз объяснил, что свадебное путешествие подождёт, если потребуется.

— Он не согласился?

— Он согласился со всем. От пациентов это особенно подозрительно.

Доктор сел и потёр переносицу. Фенн подумал, что Мередиту, вероятно, тоже не помешал бы отдых.

Около четверти пятого Джулиан прошёл из библиотеки в кабинет. Фенн увидел его через раскрытую дверь холла: в одной руке конверт, в другой стакан. Он шёл медленнее обычного, но без видимого труда.

— Решил всё-таки поработать? — крикнул Кин.

— Спрятаться от работы, — ответил Джулиан. — Это почти то же самое.

Кабинет находился в западной части дома. Его окна выходили на узкий газон и старую тисовую изгородь; за изгородью проходила дорожка к оранжерее. Когда-то здесь работал Ричард Эшкомб, и Джулиан долго избегал комнаты. Потом переставил стол ближе к окну,

убрал два тяжёлых кресла и принёс небольшой радиоприёмник. Портрет деда оставил. На это, по его словам, уже не хватило мужества.

Дверь кабинета закрылась.

В музыкальной комнате Питер Шоу собирал штатив. Он намеревался сделать ещё несколько портретов молодых, но Джулиан попросил дать ему время, и фотограф решил начать с Лидии.

— Если свет продержится, снимем у окна, — объяснял он Вайолет. — Потом на террасе. Мне нужно полчаса.

— Ей нужно снять платье, — возразила костюмерша. — Оно с восьми утра на человеке, который всё это время сидел, ел, ходил и обнимал родственников.

— Это заметно только вам.

— Именно. В этом моя трагедия.

Лидия стояла возле пианино, разглядывая букет. Несколько роз поникли. Она повернула их увядшей стороной к себе и подняла глаза на Фенна, появившегося в дверях.

— Джулиан опять с бумагами?

— Отдыхает в кабинете.

— Он никогда не отдыхает, когда говорит, что отдыхает.

— Вы уже знаете его привычки.

— Некоторые.

Она положила букет на крышку пианино.

— Он сказал, что нам придётся задержаться с отъездом. Я не возражаю, но лучше бы он просто сказал, что устал.

— Возможно, ему кажется, что это не вполне достойно жениха.

— Женихам следовало бы выдавать письменные инструкции. Не только невестам.

Питер попросил её повернуться к окну. Лидия послушно подняла букет, и Фенн отступил, чтобы не мешать.

В холле он встретил Элеонору с коробкой карт.

— Беатрис требует бриджа, — сказала она. — Вы играете?

— Очень плохо.

— Все так говорят, пока не начнут выигрывать.

— Я говорю и после того, как начинаю проигрывать.

— Тогда я поищу Беллами.

Она задержалась.

— Джулиан и правда нездоров?

— Мередит только что был у него.

— Я просила перенести поездку на завтра. Не хотел. Ему всегда кажется, что, если изменить одно решение, придётся менять все остальные.

— Он сказал, что сегодня уладил бумаги.

Элеонора посмотрела на него внимательно.

— Да. Беллами говорил.

— Вас это успокоило?

— Меня бы успокоило, если бы он сам знал, что собирается делать через месяц.

Из гостиной позвала леди Беатрис.

— Элеонора! Если вы так долго будете искать партнёров, я разучусь играть.

— В таком случае у нас появится шанс, — ответила Элеонора и прошла к ней.

К половине пятого за карточным столом собрались четверо: Элеонора, Беллами, Беатрис и Маргарет Кин. Священник отказался участвовать, сославшись на письмо, которое должен был написать. Доктор отправился к себе: ему принесли сообщение от пациента, и он собирался позвонить в деревню.

Фенн побродил по галерее. Там было тихо. На стенах висели семейные портреты, несколько акварелей и два рисунка в одинаковых тёмных рамах. Один изображал мост, другой — группу деревьев у воды. Он остановился перед ними, пытаясь вспомнить, были ли они здесь в прошлый приезд.

— Хорошие вещи, — сказал за его спиной Редферн.

Фенн не слышал, как тот подошёл.

— Вы считаете?

— Несомненно. Ранние. Такие редко встречаются.

— Кто автор?

Редферн назвал имя, которого Фенн не запомнил. Он никогда особенно не разбирался в рисунках и предпочитал честно в этом признаваться.

— А как вы определяете подлинность? — спросил он.

Редферн посмотрел на него.

— Опыт. Бумага. Манера. Иногда — происхождение вещи.

— То есть история её владельцев?

— Именно.

— Наверное, это самая трудная часть.

— Почему вы так думаете?

— Люди плохо помнят даты.

Антиквар опустил глаза, затем достал сигарету.

— Вы задаёте профессиональные вопросы, даже рассматривая пейзаж.

— Старые привычки.

— А я надеялся, вы оставили их в Лондоне.

Фенн не ответил. Редферн убрал незажжённую сигарету в портсигар.

— Джулиан у себя?

— В кабинете. Он просил его не беспокоить.

— Мы договорились поговорить.

— Тогда вы знаете больше меня.

Редферн прошёл к лестнице. Фенн задержался у рисунков ещё на минуту, потом спустился следом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.